

Творить в области чувств

Менее полугода (с июня по октябрь) выходил в Одессе в 1922 г. журнал "Зритель", но он до сих пор востребован читателями, интересен своей информационной насыщенностью. В "Горьковке" сохранилась подшивка журнала из десяти номеров.

На его пожелтевших, напечатанных на скверной бумаге страницах остались стихи А. Ахматовой, Э. Багрицкого, В. Маяковского, В. Нарбута. И сегодня с большим интересом читаются статьи А. Дерибаса о театре, Б. Шоу о его пьесе "Великая Екатерина", Л. Гроссмана о мемуарах А.Г. Достоевской. Здесь же рассказ А. Толстого "последний день поэта Санди", написанный им в эмиграции в Берлине, критика на новые стихи И. Северянина и книгу А. Франка "Жизнь в цвету".

Но, прежде всего, журнал "Зритель" был посвящен театру и его текущим проблемам в условиях нэпа, т. е. времени "раскрепощения игры частных интересов". Несмотря на то, что редактором-издателем журнала был Губполитпросвет, высказывалось мнение о необходимости идеологической независимости от пролетарского государства.

Журнал привлекает своей интеллигентностью и поразительной актуальностью в дискуссиях на театральные темы. В разговоре участвовали ведущие критики того времени, и мы постараемся помочь читателям альманаха окунуться в театральные тревоги далеких 20-х гг., которые сегодня звучат на редкость современно. Несомненно, и в начале XXI столетия актеры и режиссеры подпишутся под девизом: "Творить в области чувств и только чувств. Красота и музыка интонаций придут отсюда и подскажут неожиданную форму".

Постоянные рубрики в журнале "Зритель": "Театральное обозрение", "Маленькая летопись", "Шепот кулис", "Театральное сегодня Одессы" привлекают не только информативностью, но и заинтересованностью в работе актеров, вниманием к их творческой и человеческой судьбе — какие роли они сыграли в данном сезоне, в какой театр переехали, что представляет собой каждый из многочисленных театров Одессы того времени.

Мы возвращаемся к прошлому, чтобы что-то попробовать изменить к лучшему в нашей сегодняшней жизни.

Татьяна ЩУРОВА

ЗРИТЕЛЬ

В ЭТОМ НОМЕРЕ: Символ веры — передовая. Юбилей Н. А. Островского. Стих. В. И. Нарбута и В. Кириллова. „Чортова мельница“ (Вечер, Арист-журналисту*)

АНКЕТА „ЗРИТЕЛЯ“: отзывы — Ю. Золотарева, А. Мурова, А. М. Де-Рибаса, А. Зорова, М. Капчинского, И. Крути, Н. Пересветова, Л. С. Самборской, Н. И. Соболядинова-Самарина, Л. Ф. Лазарева, А. Адашева, Б. Чацкого.

Фельетон — Старого Зрителя. „Душа на кончиках пальцев“ — Юр. Зюва.

Маленький фельетон. — „КОКАИНЕТА“ (уголовная поэма о Серг. Глаголинце).

Театральное обозрение. Шопот кулис. Новости театра. Музыкальные заметки.

„Литературный калейдоскоп“.

„Здесь лечат и вырывают зубы“ (Пресса о М. Горьком).

Кино. Спорт.

Программы театров.

МОЗЖУХИН. К его возвращению в Россию и предстоящим кино съёмкам в Одессе.

№ 3

1922 год.

Цена

№ 17 р. 50 к.

Из цикла "Юность".

Пароход причален, ошвартован,
С мачты снижен карантинный флаг,
Вот и берег, добрый берег снова,
Южный вечер, ласковая мгла.
По крутой качающейся сходне
Я сбегая — белый, голубой...
Море, море, не тебе сегодня
Эта песнь и сердца перебой.
Шевелит, целует ветер блузу, —
В складках — Яффа, Бейрут и Алжир,
А под блузой и дружеском союзе
Милый Бебель, финики, инжир...

Путь недолог, вот и Молдаванка,
В тихой дреме — старый Дюков сад,
Лебедой поросшая полянка...
Как глаза, глаза ее горят —
О, Рахиль, о сладкий дух акаций,
Звезды — очи, звезды в вышине,
Шепот речи, шелест прокламаций,
Это было или снилось мне?
Никогда не отцветали зори,
Зори в сердце, зори по утру...
Юность, юность, ты свежа, как море,
И крута, как парус на ветру.

В. Кириллов.

Театр, который нужен.

Анкета "Зрителя"

Александр де-Рибас.

— Пока нет театра будущего и еще не народился даже театр настоящего, надо довольствоваться репертуаром прошлого, но выбирать из него те пьесы, в которых лежит зародыш и настоящего, и будущего. Жанр их может быть самый разнообразный.

Назначение театра поднимать слабеющие силы людей. Его репертуар, поэтому, никогда не должен быть утомительным. Театр должен быть местом отдыха, освежающего, возбуждающего и укрепляющего наши силы.

Актеры должны быть людьми, хорошо знающими не только сцену театра, но и сцену жизни. Исполняя чужие произведения, актеры исполняют чужую волю. Эта воля должна быть для них священна. Чтобы передать эту волю зрителям, надо хорошо знать людей, надо уметь так привлечь к себе их внимание, чтобы они, слушая актера, зарядились волею драматурга. Для этого необходимо, чтобы актеры были сильнее и выше публики.

У актера есть то, чего у публики нет:

Искусство и талант.

Д. МАЛЛОРИ.

— Нужны такие актеры как Давыдов, Варламов, Савина, Комиссаржевская, Радин, Юренева и т. д. Но если их нет, то что же делать? За неимением гербовой — пишут на простой. Такие опытные режиссеры, как Собыльчиков-Самарин, уж наверное сами выберут из одесских актеров все лучшее.

Пусть только антрепренеры не гадят. Все же Собыльчиков-Самарин, Харламов, Борин, Лаврецкий, Самборская, Грибунина и им подобные актеры вполне желательны для Одессы.

Пьес хороших нет.

Нужно выбрать лучшие из плохих...

Ставят все же новые пьесы в Москве и Харькове. Наконец, хорошее старое тоже не плохо.

Драма может чередоваться с комедией, но все же превалировать должна серьезная драма.

А называть пьесы излишне, — все равно найдут предлог их не поставить.

Б.Я. ЛОРЕНЦО.

При выборе репертуара и труппы сейчас необходимо иметь в виду не индивидуальные вкусы ценителей искусства, как бы эти вкусы ни были хороши, а вопрос самого существования театра.

Все другие пожелания представляют только академический интерес. Театр же может существовать только тогда, когда он хорошо посещается.

Поэтому репертуар должен быть увлекательным, а актеры талантливыми. Только эти условия в состоянии обеспечить театру существование. А он должен существовать хотя бы для того, чтобы дожидаться времени, когда зрители в массе будут реагировать только на высокохудожественное. Перефразируя известное изречение, можно сказать, что каждая публика имеет такой театр, какой она заслуживает. Остается только пожелать публике дорасти до истинного театра.

Профессор Б. В. Варнеке.

Современный, актер должен быть разносторонен и вооружен технически. Без умения петь, танцевать еще 20-30 лет тому назад обходилось большинство драматических актеров. Теперь сцена ставит гораздо более широкие задачи актеру, возвращая его к первоначальным условиям импровизации. Эту сторону тонко учел Александр Таиров в своих "Записках режиссера".

Репертуар современному зрителю нужен двойкий. Новый зритель нуждается в приобщении к великим сокровищам мировой драмы. Отсюда успех Шекспира и танцев в современном театре столиц. Но большинству театр нужен как отдых от тяжестей жизни. Отсюда громадный успех легкого веселого репертуара. И кто сумеет эту легкость соединить с художественностью, тот завоеует современную сцену.

И. А. ПЕРЕСВЕТОВ.

— Созыв своего рода "консилиума" для лечения больного театра, чем в сущности является объявленная "Зрителем" анкета, должен привести, надо полагать, к весьма плодотворным результатам. Это ново, но сулит успех.

Однако, разрешите подойти к затруднению с той парадоксальной простотой, с которой доктор некогда вопрошал своего злополучного пациента: "А вы теплой водой с мылом не пробовали?".

И вот мне, простите, думается, не применить ли в данном случае совершенно оригинальный прием: для разрешения вопроса о лучшей труппе и репертуаре попробовать пригласить хорошего режиссера и обеспечить его вместо узкой опеки широкими средствами.

Бывали случаи — помогало.

В преддверье сезона.

Это считается чуть ли не хорошим тоном, в начале или в конце сезона сетовать на отсутствие пьес и актеров, на случайности репертуара и общее упадочное состояние театра. К сожалению, в этом всегда столько же правды, сколько и бессилия помочь беде. Критика недовольна, актеры с этим соглашаются или это оспаривают, а все в целом... остается по-старому...

Предстоящий зимний сезон драмы нарождается в условиях общего недовольства прошлым нашего театра. "Двадцать два и одно" несчастья лежат на его пути, и не о них сейчас речь. В преддверье нового сезона, в те дни, когда намечаются новые пути и идет деятельная подготовка к первой встрече, часто решающей, мы готовы увидеть и новый театр на старом месте, нового актера в новом театре.

Театр обещает — и мы готовы поверить. Многоопытное, изощренное руководство предстоящим сезоном Соболичковым-Самариным в содружестве с темпераментно-молодым режиссером Лазаревым — залог многого. И если наряду с этим театр найдет еще и силы и средства к сформированию полной и яркой труппы, к созданию настоящего репертуара сегодняшнего дня и к оформлению всего этого в гармоническое целое мы — недовольные, мы — протестующие и будирующие, мы первые отдадим ему наше признание и нашу признательность.

Театр готовится к открытию. Пусть на развалинах старого прорастет прекрасное новое.

В него мы верим. Его мы ждем.

Т е а т р

(Из книги "Крашенные рыла").

Писать пьесы и играть в театре может всякий. Как, писать и как играть, об этом никто не знает.

Сломай любую комедь и непременно найдешь сочувствующих. И нет такой драмы, от которой кто-нибудь да не умилился, и нет такой комедии, от которой кто-нибудь да не примется гоготать.

Первый государственный актер наверняка заморит циркового зрителя, а случайный и совсем не актер, — на провинциальной сцене, бывает, выпускают за неизмением, — да тот же костюмер Семен Иванович Козаков и, совсем не чая, потрясет.

Софокл вызовет крик: подавай борцов. А друтому Бог с ними, с борцами, даром не надо, а готов выстоять всего Эдипа.

Говяжий и черепковый закон "по барину говядина" ... нигде так не прет, как в театре.

И когда говорят: хорошая пьеса, или про актера — хорошо играет. — И если говорят не в угоду моде или преданию, то говорят только по-своему.

И я буду говорить по-моему.

Мне было всегда неловко, когда барыня представляла кухарку, ударяя по словам забытым:

- знать
- знамо
- вестимо
- тапереча
- ушодши
- пришодши

Мне было всегда неловко, когда наши военные писатели и бывлые рассказчики, представляя

солдата, начинали солдатское повествование неизменным

так что.

Мне было всего неловко, когда образованные люди, воспитанные на своей ложке, воротничках и ботинках, обряжались в черные косоворотки и высокие сапоги, чтобы представляться рабочими, при этом обязательно коверкали —

магазин в магазин
офицера в офицера
продукты в продукты
калоши в галоши
извините в извиняюсь

Мне было всегда неловко, когда читали юбилейный адрес, сочиненный в русском стиле, где все сводилось к тому, чтобы определение поставить после определяемого, да заключить — бем челом

Мне было всегда неловко, когда я читал произведения русских писателей, прославленных за свои русские обороты, где все было насыщено подбылинной и подпесенной слащавостью.

Мне было всегда неловко, когда я смотрел пьесы для народа под народное: всякий знает, что это калина-малина балалаешная.

Мне было неловко в Париже на представлении Петрушки, когда вдруг выскочили актеры, наряженные кучерами, и стали откаблучивать что-то в роде кабацкого комаря.

Мне было всегда было неловко оттого, что все это неправда, поддельная под горькую правду, и унижающая.

Алексей Ремизов.

"РЕПЕРТУАРА НЕТ?" – ВОТ ОН, РЕПЕРТУАР!

Зимний сезон начинается.

Актер, который уходит. Актриса, которая остается.

Режиссер, который запрашивает. Антрепренер, который экономит.

Страсть и алчность. Честолюбие. Тоска. Паутина интриг. Океан сплетен. –

Кухня. Только кухня. Театральная кухня, где готовится сезон.

Нас не интересуют все эти дебаты о немой театральной посуде и пререкания о ценах актерского базара.

Нам не важны тайны кухни. Мы ждем таинства театра.

Мы ждем Актера.

Мы ждем Режиссера.

Мы ждем Репертуара.

Мы – голос Зрителя.

Он не властен создать актеров и режиссеров.

Он властен создать репертуар.

В преддверьи будущего, мы не хотим прошлого. В надеждах нового сезона заявляем, что не хотим стыда старого.

Мы не хотим хихикающих комедий с дребезжащим смехом шестидесятилетнего старика.

Мы не хотим смешных историй, которые должны вызывать у нас почему-то слезы и институтские лихорадки, которые должны вызывать, почему-то, смех.

Мы не хотим Щепкину-Куперник в роли Шекспира, Трахтенберга – в роли Чехова, и "дураков" на ампула Островского.

И больше всего мы не хотим лжи.

Когда вы ставили всю эту шелуху мысли, когда вы пачкали подмышки этими плевками та-

ланта – вы – режиссеры и руководители – вы говорили:

– Так хочет публика.

Шарж И. Мексина.

Пирогов – Дон Базилио
(Севильский Цирульник)

— Таковы вкусы публики.

— Мы не и силах бороться с требованиями публики.

И закатывая страшные глаза и многозначительно подняв палец, замогильным и торжественным шепотом вы произносили тогда это, полное смятенного трепета, в ваших устах слово.

— Касса.

Опытные директора! На зубок знающие публику режиссеры!

Когда вы говорите:

— Касса требует безкусицы. Публика требует безкусицы. Касса требует пошлости. Публика требует пошлости.

Верите ли вы в то, что говорите?

Публика... Да такая, как она есть сейчас, когда она бесформенна и безлика и много думает о наживе и мало думает об искусстве, в ней значительно больше молодого вкуса, чем вы смеете об этом заявлять.

...Довольно!

Мы заявляете, что знаете публику, которая была 60 лет тому назад. Может быть.

До 1917 г. С этого времени — месяц за год. 5X12=60.

Великая, величайшая революция произошла. Пришли одни, исчезли другие. — Уничтожены люди, классы, мировоззрения, обычаи и понятия. Создался новый строй, новые люди, новый труд, новый мир, новая энергия, иная воля, иное понимание жизни.

А этот театр будет по-прежнему вспоминать о певице — Трильби и гипнотизере — Свинтили, над которыми плакали наши бабушки.

Но бабушек нет, а в наших глазах слез для страданий певицы не осталось: высохли.

"Я люблю цирк, говорил когда-то писатель, он не меняется. Все течет, все проходит. Но рыжий

остается, и также ударяя палец о палец, прихлопывает он: "Бляво, бляво!". И также жалко прибита улыбка наездниц, когда разметывает рядом песок, щелкающий отсталое бич директора.

Но есть нечто более, чем прошлый цирк. Это — нынешний театр.

...Уйдет ли актер? Останется ли актриса? Словно Годунов в слободе своей как пьяница пред чаркой вина. Кончит ли морщиться режиссер.

Кто бы ни был и что бы ни было, — мы делаем сезону предупреждение.

Мы требуем нового репертуара.

Мы будем бороться со старым.

И тогда вы, антрепренеры и режиссеры, сделаете смертельно бледное лицо и также зловеще прошепчете:

— Значит... вы требуете а г и т а ц и о н н ы х пьес.

И так как мы будем глядя на нас иронически

Виктор Хенкин.

Виктор Хенкин. (Рис. И. Мексина)

улыбаться — злобно шаманами — ведунами начнете вычураться тем же заклинанием — табу:

— "Касса".

А мы улыбнемся.

— Нет, осторожнейшие и благонамереннейшие. Мы не будем говорить об агитационном театре, хотя бы потому, что его нет. Мы не будем более агитаторами, чем Луначарский, указывающий, что пока социалистического театра нет, нужно искать театр народный. Как например, он указывает на французскую мелодраму и приветствует реставрацию Дюма.

Нет, осторожнейшие! Мы не требуем от вас пьес агитационных.

Но мы потребуем пьес увлекательных. Но мы потребуем пьес, где факты, где страсть, где интрига и где идеи.

И тогда-то вы с наивностью невежественности грустно, задумчиво:

— О если бы такой репертуар был... Мы бы взяли его.

И грустно, (грустно ли?) качнете головой:

— Такого репертуара нет.

Тогда мы уверенно скажем:

— Вот он — этот репертуар.

Он есть во Франции, в том французском театре, оглянуться на который так своевременно предложил Луначарский.

Со следующего номера мы приступаем к опубликованию наиболее ярких пьес из репертуара французских театров за последнее десятилетие, выбирая, конечно, не ставившиеся на русской сцене.

Среди этих пьес, мы в первую очередь остановимся на пьесах социальных, на тех, где героем — массы, где пружины — те социальные сцепления, которые всегда будут волновать, современного зрителя.

Пьесы, где о социальных идеях не рассказывают, а показывают их.

Где автор бросает эти идеи трепещущими на сцену и заставляет их ходить, петь, кричать, ломать руки.

Где резонерство заменено страданием, а монологи — действием.

Нашим литературным жюри не будут несколько актеров, у которых при выборе репертуара есть два правила:

Первое: Когда пьеса не скучна, они говорят: "Да, но она не художественна".

И второе — Когда пьеса художественна — "Да, но она скучна".

Первой пьесой, которую мы предлагаем, будет социальная драма в 4 действиях:

"КОРОЛИ БИРЖИ".

На визитной карточке, которую нам подал автор, значится:

Эмиль Фабр — создатель французского политического театра. Его пьесы систематически запрещались французской цензурой. "Короли Биржи" была вначале запрещена, а после разрешения выдержала в Париже подряд 227 представлений.

Содержание "Королей Биржи" мы дадим в следующем номере. Само собой разумеется, что подлинник пьесы у нас имеется.

Мы надеемся, что будущие руководители не будут подобно старым девам неизменно верными старым традициям.

Мы надеемся, что они поймут, что над всеми режиссерами есть один ГЛАВНЫЙ ВЕРХОВНЫЙ.

И имя этого ВЕРХОВНОГО:

— Новый зритель.

Уейтинг.

И. И. МЕКСИН

(к 10-ти летию художественной деятельности).

произведения его, в которых он подходит ближе к природе, художественнее отвлеченных панно. Таковы в особенности его портреты, продукт самых последних лет, в которых он делает еще более резкий шаг от "натура" к натуре, от аллегории к экспрессии.

Как театральный рисовальщик, в настоящее время художник И. Мексин является единственной фигурой на фоне пашей местной художественной жизни. В превосходном, полном темперамента, искусстве Мексина мы ждем впереди еще очень многого.

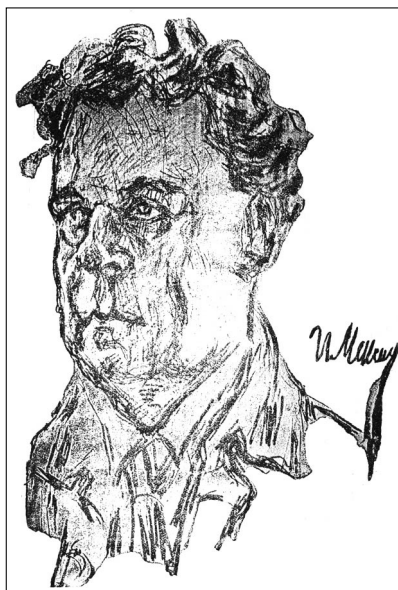
Вячеслав Руканов.

В 1912 году в журнале "Детство и Отрочество", в статье о театре, появляется первый серьезный графический рисунок художника.

Работы художника пропитаны творческим проникновением, и в станковой живописи, которую он выставляет на выставках "Союза Независимых", он воспевает актера и сцену.

В 1916 году, Летиция (М. М. Симонович) пишет: "И. Мексина прельщает веселая декоративная пестрота мира театров и варьете". Актриса, балет, ночное кафе, трагический актер, театральные костюмы, портрет актера, — вот обычные мотивы художника. Его театральные рисунки полны спиритуальной остроты, насыщены близким дыханием театра, и потому веришь им, веришь искренности экспрессивной линии и живописной гамме нюансов, настроений, движений, транс в фигуре, лице артиста.

И. Мексин преимущественно график. И те

Н.И. Собольщикова-Самарина (Рис. И. Мексина)

СОФИТОМ ПО ПАРИКАМ.

Драматический сезон открыт.

Первый спектакль, — всегда свежие декорации, свежие артистические силы и свежие бутерброды в буфете!

Что из сих трех будет интереснее, — увидим, узнаем.

Во всяком случае привет — Драматическому сезону!

В Опере блестящие дела.

И не даром:

Целых две Добровольских и один Пирогов.

Почти Шаляпин!

Самая главная Добровольская споткнулась на первом спектакле о какое-то "ми".

В театре ее уже "похоронили".

Но следующие спектакли показали, что певиче не страшны никакие "ми", и успех артистка имела большой.

Пришлось "выкапывать".

Ужасно скоро за кулисами хоронят товарищей...

Скоро и охотно!

Впрочем, не даром старый театральный сторож Яков, выметая грязь на сцене всегда говорил:

— И то сказать — нешто видано, чтоб кулисы без грязи? На то они и кулисы!

Конкурс юмористов

Это, собственно, самый юмористический номер. Ведь никто из них сам не пишет, кроме одного Коррадо, да и тот лучше бы "закзывал" куплеты.

И все читали куплеты одного-двух авторов.

Конкурс!..

И приз получил Чурский, самый антиюмористический юморист.

Не даром кричали, как на борьбе в цирке:

Неправильно!

И цитировали Грибоедова:

— "А судьбы кто?"

Но в общем это хорошо!.. В этом лице неповского халтурного театра!

В "Гротеске" хорошая труппа, но репертуар без соли, без перца и без изюминки.

Совсем не "колониальный" репертуар.

— Что делать? Что ставить?

Что угодно, только не "революционные пьесы", в роде "Лакированного ящика"...

Такая "революция" на сцене хуже всякой контрреволюции.

У Чехова есть рассказ об одном слишком усердном кондукторе, который на каждой станции будил пассажиров и требовал у них билет.

Этого кондуктора очень напоминают теперь контролеры театра им. Луначарского.

Они по 2-3 раза в вечер подходят к публике:

— Ваш билет!

Этот способ проверки давно оставили даже в Тираспольских или Балтских иллюзиях...

Этого раньше не было: директор театра Крамер и гл. контролер Кремертато прекрасно знают способы контроля, без дерганья зрителя за плечо:

— Ваш билет!..

Это надо прекратить.

Это прекратил уже давно и Чеховский оберкондуктор.

Д. Мал.

"ПРОБУЖДЕНИЕ СТЕН".

Рис. Мэб.

Пробуждение стен...

— Так будет называться выходящий в ближайшее время в свет первый литературно-научно-художественный

Журнал заключенных...

Этот журнал редактирует и издает

Царгубисправтрудом —

Царицынский Допр.

И просто — бывшая царицынская тюрьма.

"Подписываетесь!.."

"Пробуждение стен" — даст в текущем году:

"Записную книжку заключенного"

"Университет заключенного".

"Наука. Здоровый смех. Литература и искусство".

"Эхо" — литературный альманах.

"Васька косою" — шикарно иллюстрированная книга.

"На волю" — художественная картина. "Красная тачка" — юмористический альманах.

Не стало старой царской тюрьмы.

Советский Допр разбудил стены.

От Царицына до Ташкента, и до Овидиополя и до Царевококшайска.

— "Пробуждение стен".

Одесский Допр тоже пробудил стены.
Тюремная синагога перешита в школу грамоты.

Церковь — в клуб-театр. В знаменитом "кругу" — библиотека.

В карцерах — мастерские.

Среди старой "шпаны" — рукою Нэп'а брошенные сюда, сбитые с "панталыки" — журналист, художник, актеры.

В тюрьме — студии, — драматическая, музыкальная, хоровая.

У ворот афиша:

— "Сегодня в клубе — концерт-спектакль.

Идет пьеса — "В тихом уолку".

В концерте участвуют: заключенные артисты
Госоперы бас Проняев, артист драмы Маркин.

Музыка, пение, балет.

Это — в старой тюрьме, в новом Додре.

Сумерки. Двери камер — настезь. По воздушным коридорам отделений — под самый купол "круга" взбираются заключенные.

Клуб упрямо набух свитками, серыми армяками и щегольскими, френчами.

Пьеса. Сольные номера. Аплодисменты.

"Пробуждение стен"..

Ал. Светлов.

Маркин.